

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ТЕОРИИ ПРАВА НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АКТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ НАЛОГОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Ускин А. С.

*Ускин Александр Сергеевич / Uskin Alexander Sergeevich – студент,
кафедра теории и истории государства и права,
Высшая школа экономики, управления и права
Северного (Арктического) федерального университета, г. Архангельск*

Аннотация: в статье рассматривается становление судебной практики как источника российского права. Рассматриваются конкретные примеры актов высших судебных инстанций в области налогов и сборов. Приводятся мнения исследователей в области теории государства и права, касающиеся места судебной практики в российской системе права. Затрагивается проблематика возможного замещения судебной властью законодательной, а также приводятся конкретные примеры решений Высшего Арбитражного Суда по исследуемому вопросу. Даются рекомендации во избежание такого рода замещения.

Ключевые слова: прецедент, судебная практика, теория государства и права, налоговое право, Постановление ВАС.

Судебный порядок разрешения споров в Российской Федерации является чересчур распространенным. Законодатель различными способами старается снизить нагрузку на суды, внедряя механизмы медиации, дополнительные механизмы решения спора в административном порядке, устанавливая возможность разрешения споров третейскими судами. Но все равно граждане и организации предпочитают обращаться в суды, и точку в разрешении многих споров ставит именно суд. Потому можно уверенно говорить о том, что основным и главным видом применения права является судебное.

Важнейшим вопросом как для теории, так и для практики является значение решений судов как источника российского права. В Российской Федерации правовая доктрина не признает судебный прецедент как источник права. Но реальность такова, что судебная практика и судебный прецедент - фактически существующие регуляторы современных общественных отношений российской действительности [1, с. 81].

Некоторые исследователи теории права в своих работах вообще не отмечают судебную практику как источник российского права [2, с. 284]. Иные, в некоторых своих работах, полагают, что в современных условиях вопрос о правотворческой деятельности высших судебных органов обретает актуальность. Суды в Российской Федерации – это органы правосудия, правоприменительные органы, они решают конкретные дела на основании действующих норм права, но, одновременно, в России складываются необходимые предпосылки для признания судебного правотворчества [3, с. 164].

Несовершенство, громоздкость некоторого отраслевого законодательства, пробелы в правовом регулировании, требуют поиска действенного механизма для разрешения возникающих проблем. Данная проблема возникла еще в советский период. Уже тогда считалось, что если норма права устанавливает меру поведения, то судебная практика накапливает конкретные формы поведения в границах этой меры. Что говорит о признании разъяснений Пленума Верховного Суда СССР общеобязательными, а значит устанавливающими норму права [4, с. 13].

В настоящий момент Верховный суд Российской Федерации также наделен этой функцией и реализует ее в принятии Постановлений Пленума Верховного Суда и принятии Постановлений Президиума Верховного Суда РФ. Но суд не устанавливает норму права, но лишь конкретизирует ее, осуществляет функцию по толкованию права, которое уже будет являться обязательным для дальнейшего правоприменения.

Что касается закрепленной какой-либо возможности ВС РФ и нижестоящих судов на создание норм права, то такового нигде не закреплено. Если обратиться к ФКЗ О Верховном суде Российской Федерации (далее ФКЗ О ВС РФ), в частности к п. 7 ст. 2 данного ФКЗ, то обнаружим, что за судом не закреплено право на создание норм, но закреплено только право на дачу разъяснений судам по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения [5, с. 550].

Теперь обратимся к процессуальным нормам, например, к Кодексу административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). Ст. 15 КАС РФ закрепляет перечень нормативно-правовых актов, применяемых при разрешении административных дел, при этом не указывая на возможность применения актов высших судебных инстанций. Однако соответствии со ст. 180 КАС РФ, суд в мотивировочной части решения должен указать нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, а также мотивировочной части решения суда могут

содержаться ссылки на постановления и решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятые Верховным Судом Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики и законности.

Таким образом, федеральное законодательство позволяет судам при вынесении решений руководствоваться не только нормативно-правовыми актами, но и соответствующими разъяснениями Конституционного, Верховного и иных судов. То есть в России уже в некоторой степени существует механизм обязательности судебного прецедента через законодательную возможность судов в своих решениях отсылаться к актам высших судебных инстанций.

Теперь обратимся к деятельности Конституционного суда РФ. Одной из наиважнейших его функций является обнаружение правовых актов, противоречащих нормам конституции, и принятие мер по их устранению (конституционный контроль). Нормативно-правовой акт или его часть, признанные неконституционными, утрачивают силу, независимо от их юридической силы. Решения являются общеобязательными, вступают в силу незамедлительно и обжалованию не подлежат. Таким образом, можно прийти к выводу, что при осуществлении конституционного контроля Конституционный Суд РФ не создавая новой правовой нормы, а отменяя незаконную - осуществляет нормотворчество, приводящее к устранению коллизий в законодательстве. Данный процесс в науке назван «негативным правотворчеством». Более того, как отмечают некоторые исследователи, Конституционный суд творит право, определяя тенденции развития законодательства, создавая прецеденты толкования Конституции РФ и законов, заполняя пробелы законодательства [4, с. 13].

В качестве примера обратимся к правоприменительной деятельности судов в рамках конкретной области права, например – налогового права. В налоговых правоотношениях практика Конституционного суда, Высшего Арбитражного Суда, Верховного Суда Российской Федерации всегда имела особое значение. Так, ранее отмечалось, что «из более чем тысячи правовых актов, регулирующих налоговые отношения, насчитывается всего двадцать законов» [6, с. 45-46]. В период становления российской налоговой системы, когда имелось большее количество пробелов и коллизий в регулировании налоговых правоотношений именно суды производили упорядочение данных отношений.

Судами также формулировались принципы налогового права. Так с принятием Постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. N 53 был сформулирован принцип «добросовестности налогоплательщика», который не был закреплен в Налоговом Кодексе РФ. Таким образом данное Постановление помимо разъяснительного характера, является еще, условно, правотворческим, так как закрепило на практике и в доктрине вышеприведенный принцип.

Приведем еще один пример правотворческой деятельности ВАС, но уже в более узком - в формальном аспекте. В 2013 году было принято Постановление ВАС N 57 от 30 июля 2013 г. о некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой налогового кодекса Российской Федерации. Данное Постановление было давно ожидаемым, так как арбитражным судам не хватало разъяснений Высшего Арбитражного суда и правоприменительная практика в отношении общей части НК РФ в регионах разнилась. Пленум также содержит отдельные положения, которых, не имеется в НК РФ, так например, в разделе участников отношения в п. 7 упоминаются банки, хотя в ст. 9 НК РФ в качестве участников налоговых отношений таковые не называются.

Наличие подобных и иных разъяснений высших инстанций в налоговых правоотношениях (как, в принципе, и иных отношениях), несомненно, способствует справедливому разбирательству в нижестоящих судах, но, важно отметить, что такая деятельность не должна подменять собой деятельность законодателя. В противном случае будет нарушен один из основополагающих принципов российской государственности – принцип разделения властей.

Подводя итоги роли судебной практики в современной правовой системе Российской Федерации можно прийти к следующим выводам:

- судебная практика несомненно является важной составной частью правовой системы Российской Федерации;
- судебная практика, закрепленная в приведенных выше постановлениях и иных актах Конституционного, Верховного, Арбитражного судов Российской Федерации, является источником права и теории права стоит однозначно признать это.

В качестве рекомендации по итогам настоящего исследования необходимо заметить, чтобы было бы разумно и обосновано ввести норму, которая эффективно разграничивала «правотворческую» деятельность судов на основе изучения и обобщения судебной практики, итогом которой является выведение какого-либо принципа или правила и деятельности законодателя по нормативному его закреплению.

Литература

1. *Фомушина Е. П.* Значение судебного прецедента в России // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция, 2009. № 11 С. 81-84.
2. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и прав : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 4-е. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
3. *Радько Т. Н.* Теория государства и права: учебник для бакалавров. Москва: Проспект, 2014. 568 с.
4. Карась Оксана Александровна, Правовая природа судебного прецедента // Политика, экономика и инновации, 2016. № 3 С. 13.
5. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) «Собрание законодательства РФ», 10.02.2014, N 6, ст. 550.
6. *Демин А. В.* Налоговое право России: Учеб. пособие / А. В. Демин; Федер. агентство по образованию; Краснояр. гос. ун-т; Юрид. ин-т. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. 329 с.